

Shakhova K. I. Fact as a Structural Element of I. Bagmut's Story „Notes of a Soldier”

The autobiographical fact, the event as the basis of the artistic world of Ivan Bagmut's story „Notes of the soldier” are investigated. The image of the main character (the author's prototype) and the narrative specifics are analyzed. We determined a series of autobiographical details: age of the author, when he went to the front, scout activities, the facts of private life – narrator had a brother and a son, lived in Kharkov; space points, which are measured the way of Voronezh Front forces; November 27, 1942 – when the main character went to the front; many events of a soldier's life, thoughts, emotions and feelings, which are deeply reflected in the writer's memory. The real facts, events and memories of writer's war biography were the basis of a plot, composition, world outlook and aesthetic picture of narrator's views. A little-studied problem of the notes as a specific genre, which is at the intersection of documentary and fiction has been raised. The notes form in the context of combination of rich-informed documentary facts with the world of artistic reality in the story „Notes of the soldier” is of great importance. The fact is considered as an indicator of veracity, truthfulness of coverage of the individual life events.

Key words: story, notes, facts, events, autobiography.

Стаття надійшла до редакції 06.09.2013 р.

Прийнято до друку 27.09.2013 р.

Рецензент – канд. філол. н., доц. Лапко О. А.

УДК 821.161.1 „19”

Е. В. Юферева

**ПРОЗИМЕТРИЯ В ПИСЬМАХ РУССКИХ ПОЭТОВ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА**

Разнообразие функций и форм стихотворения как составляющей эпистолярного текста можно наблюдать в переписке поэтов, в которой поэтический отрывок связан со многими сферами жизни и посвящен не только проблемам ремесла. Изучение стихотворного элемента в письме способствует освещению направлений творческих поисков автора, но также дает ценный материал о межличностных отношениях, суждениях и оценках окружения поэта, внелитературном контексте.

Взаимодействие между прозой и стихом различается в зависимости от степени прозрачности границ между ними, семантической нагрузки. Явление автономизации стихотворной цитаты в прозаическом целом

Ю. Орлицкий предлагает называть прозиметрумом [1, с. 412]. Говоря о прозиметруме в период экспансии прозы, литературовед подчеркивает, что стихотворные цитаты играют не меньшую роль, „напротив, теперь механизм этого явления становится тоньше, а круг его функций – шире и разнообразней” [1, с. 469].

Характер использования, закономерности появления стихотворения в бытовом письме писателей и поэтов привлекало внимание исследователей (И. Вяткина [2], С. Гиндин [3], Н. Степанов [4]). Их работы показали, что в эпистолярном контексте стихотворение набирается новых черт, потенциально важных для литературы, для развития поэзии в сложный для нее период. На стих „переносится от письма заряд „разовости”, уникальности реплик, что и придает им оттенок стихов „на случай”. Стихотворение открывается в речевой контекст, привязано к нему” [5]. Задания этой статьи – очертить динамику развития стихотворного элемента в эпистолярном тексте поэтов периода второй половины XIX века, рассмотреть взаимовлияние эпистолярной прозы и поэзии в контексте общих эстетических тенденций эпохи, а также характеристик эпистолярного идиостиля поэта. Материалом к исследованию послужили письма В. Брюсова, И. Бунина, Ап. Григорьева, В. Красова, Н. Некрасова, А. Фета. Хронологические рамки исследования обусловлены подвижками в жанрово-стилистической системе русской литературы, изменением роли и значения прозы и поэзии, что наметилось уже в 40-е гг.

К концу XIX столетия стихотворные вкрапления в письме характеризуются как самостоятельный и независимый от общей тематики компонент, как вставка, экспромт, интертекст или же эмоциональный пуант. Вытесняя прозу из корреспонденции, стиховая часть превращается из части письма в его целое. Композиционная роль стихотворения и формы взаимодействия с прозой регламентируются многими факторами: ориентацией на определенную эпистолярную традицию, особенностями литературного быта, взаимоотношениями между собеседниками. Стихи обычно можно наблюдать в случае пересылки автографов произведений. Поводом также становится желание получить совет, отзыв о своем труде. Стихотворный текст в письме нередко подается в нескольких вариантах, занимая промежуточное положение между чистовиком и черновиком с ярко выраженными автоматарефлексивными тенденциями. Например, в письме к И. Тургеневу от 30 июля 1856 г. Н. Некрасов пишет: „Вчера сложил стихи, которые по кратости, прилагаю:

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, ослабленья,
Не помни бурь, не помни слез,
Не помни ревности угроз.
Но дни, когда любви светило
Над нами радостно всходило
И бодро мы свершали [ровно освещало] путь –
Благослови – и не забудь!

Что это – изрядно или плохо? По совести, не умею определить” [6, с. 448].

Своеобразной творческой лабораторией становится эпистолярный для забытого русского поэта В. Красова. Находясь в удалении от столичной жизни, издательств и редакций (В. Красов с 1837 г. служит в черниговской гимназии), поэт вступает в переписку с близкими по духу литературными деятелями: В. Белинским, М. Погодиным, Н. Станкевичем. Лучший второстепенный поэт, как его называл Н. Чернышевский, относился к своему творчеству критично. Вкладывая в письма „стишонки”, „рифменный вздор”, „поэтические грехи”, В. Красов просил отозваться, дать оценку, обсуждал и анализировал свои произведения. Тема собственного творчества является доминирующей в его письмах начала 40-х гг. Например, в письме В. Белинскому он с воодушевлением обсуждает поэтический труд, планы, стихи: „Я почти согласен с тобой, что в пьеске „Песня Лауры” не нужно выпускать 1-го куплета. Готова песня Безумной; скоро выйдет пьеса – которой 1-й стих: Когда очарован стою пред тобою, – и последний куплет так:

О нет! – но, мой жребий предав в твою волю,
Я б стал об одном лишь молить:
Ты жизнь мою, жизнь мою – горькую долю –
Заставь меня вновь полюбить.

На днях спелась песнь Паньи, только без хвоста. Одним словом, – теперь я начинаю отдыхать душой и телом” [7, с. 153].

Похожий пример вариативного текста, но в другой ситуации, встречается в переписке А. Фета. Иронично обыгрывая слова из произведения А. Мерзлякова, будто подыскивая лучший вариант, автор сталкивает возвышенно-архаический стиль с бытовым поводом письма в духе пародийных импровизаций арзамасцев, вписывая созданный экспромт в контекст эпистолярного сообщения:

Среди долины ровныя. Нет:
Среди разлива страшного
Внезапно получил
Я телеграмму краткую:
„У вас ли Соловьев,
Скажите, что он нужен нам,
Что ждем его сей час”.

„Конечно, я отвечал, что Соловьева нет...” [8, с. 322 – 323].

Разомкнутость стихотворного отрывка в бытовой контекст и стирание четкой границы между различными сферами в письмах А. Фета можно наблюдать нечасто. Поэзия постоянно возникает на страницах его писем, но между общей тональностью эпистолярного повествования и стихотворной частью чувствуется напряжение.

Письма русского поэта усыпаны цитатами из стихотворного творчества А. Пушкина, М. Лермонтова, Горация, И. Гете. Проблема сущности поэтического творчества, в том числе и собственного,

находится в центре эпистолярного диалога. А. Фет обращается к адресату за советом, впрочем, и сам критически отзывается о поэтических произведениях современников. В письме к Я. Полонскому поэт обсуждает художественные качества и дает высокую оценку стихотворению „Деревенский сон”. Но А. Фет не согласен со стихом „Горе ей, несчастной” и выступает соавтором, для себя заменяя непонравившиеся строки на „А, пожалуй, сбывшись, / Сон-то и обманет” [8, с. 355]. Итак, стихи в письмах выступают поводом для автоматарефлексии, а также критики, своеобразного комментария к творчеству других авторов.

Во второй половине XIX в. стихотворение постепенно избавляется от второстепенной роли „вставки”, усиливая свое значение и влияние на прозаическое целое письма. Стихотворения становятся более объемными. Смещаясь к концу текста, они берут на себя инициативу окончательного оформления авторской мысли. Не стих является иллюстрацией или дополнением прозаической части, напротив, проза выполняет функцию своеобразной увертюры к последующему эмоциональному всплеску стихотворных строк. Однако тематически, конечно, стих ограничен, абстрагирован от реалий, очищен от подробностей, являясь их эмоциональным отголоском.

Стихотворение в письме поэта – это и определенная дань традиции, и стилизация и черновик для будущих произведений. М. Гаспаров, исследуя переписку В. Брюсова, пришел к выводу: „Кроме стилизации под корреспондента, была также возможна стилизация под определенную традицию классической литературы” [9, с. 16]. Интересно, что письмо отчасти сохраняет след происхождения стихотворения: случайного и промежуточного как экспромт, шутка, эпиграмма, или же продуманного и завершенного.

В работе об эпистолярном наследии В. Брюсова М. Гаспаров подчеркивал исключительность роли стихотворной вставки в письмах особенно первого, лирического, эпистолярного периода: она одновременно поддерживала поэтический тон, и переключала направление темы. Ученый фиксирует влияние стихотворения на прозу письма, которую поэт осознает как художественную и стремится оформить как литературное произведение [9, с. 21]. Своих и чужих стихотворений здесь много. Комментарии, оценки современников и предшественников демонстрируют широкий диапазон обсуждаемых в письмах явлений. К примеру, письмо к И. Коневскому (18 июня 1900 г.) открывается заявлением об отсутствии стихов, что становится поводом к обсуждению творчества П. Вяземского, затем – Ф. Тютчева. А дальше – проявляется поэтичность письма: нанизывание вопросов, ассоциативность, рефлексивность и резкая остановка вольного течения мысли воспоминанием об адресате [10, с. 504].

В письмах В. Брюсова много стихов малоизвестных читателю или даже филологу. Письма-стихотворения, экспромты, адресованные

друзьям, традиционно являются частотной формой взаимодействия эпистолярной прозы и стиха. Стихотворная форма существенно сокращает объем письма, сигнализирует об особой форме коммуникации между корреспондентами.

Обобщения М. Гаспарова об эпистолярном стихотворении и поэзии письма, сделанные на материале переписки В. Брюсова, не утрачивают объяснительную силу и применительно к письмам Ап. Григорьева. Стихи в его письмах – это и поддержка, и переключение темы, черновик и вариант будущего произведения. Письма Ап. Григорьева уникальны разнообразием модусов общения, эмоциональностью, предельным самообнажением. Р. Виттакер и Б. Егоров в сопроводительной статье к изданию переписки поэта отмечают главную особенность эпистолярная: „Письма Григорьева не повторяют, а заменяют его статьи и стихи” [11, с. 293]. С одной стороны, дневниковость или даже „часовость”, как уточняет сам поэт, дает возможность выразиться рефлексии поэта в сбивчивых, импульсивных, откровенных и длинных письмах. С другой, мы наблюдаем четкость и структурированность писем, в которых ведутся переговоры с журналами, выясняются материальные вопросы.

Стихи возникают в письмах-исповедях. Они поднимаются, как писал поэт, с самого дна души в кризисные периоды жизни. Например, письмо к М. Погодину от 6 или 13 января 1856 г., в котором тяжело переживается „гибель” „Москвитянина”, Ап. Григорьев завершает стихотворением, чтобы исповедь была „полна” [12, с. 99].

Писем Ап. Григорьева сохранилось очень мало. Среди них выделяется цикл переписки с Е. Протопоповой, к которой поэт относился с большим доверием: „Друг мой – единственная женщина <...> которая все поймет, все оценит” [12, с. 186]. В этих письмах встречаются прозиметрумы, но все же редко. В одном из писем (п. 209) Ап. Григорьев пишет о том, как приходят к нему стихи: неожиданно, искренно, – и передает стихотворение (ранний вариант текста из цикла „Импровизации странствующего романтика”). В эпистолярном контексте стихотворная вставка продолжает тему внутреннего „безобразия”, тоски и хандры, но заставляет отвлечься, вызывает автоматарефлексивные размышления.

Разумеется, в письмах поэтов тема современной поэзии, ее развития, проблем выдвигается на первое место, превращая эпистолярный в своеобразную энциклопедию современной литературной жизни. Много о литературе своего времени и ее восприятии пишет И. Бунин в ранних письмах. Он обсуждает переводы на русский Т. Шевченко, читает с удовольствием Я. Полонского, увлекается К. Фофановым („Прелесь!”).

Особым значением в эпистолярной молодого И. Бунина обладает переписка с В. Пашенко. Стихи здесь в основном оригинальные, отображают различное настроение и переживания: от стихотворной шутки и экспромта до лирической „исповеди” и объяснения в любви. Письма И. Бунина подобны разговору: динамичны, сбивчивы, эмоциональны. Стихотворение же вписывается в сюжет писем

органично, являясь началом мысли или ее продолжением (например, п. № 35 (53) [13]. Вместе с тем, автор объясняет причину перехода в другой „регистр”. Характерной чертой прозиметрума писем И. Бунина является импровизационность: стилизации, перепевы, направленные на бытовые ситуации, случаи из жизни автора. Одно из таких шуточных эпистолярных произведений было недавно обнаружено в семейном архиве Пашенко-Бибиковых [13]. В нем молодой поэт, подражая лермонтовским поэмам, повествует о прохождении медицинской комиссии.

Явление прозиметрума в письмах выполняет различные функции. Стихотворение как вставка, автономный элемент в письме, обладает жанровой определенностью и отображает основные процессы литературного периода. Стихотворение – предлог и способ диалога, и, конечно, авторской метарефлексии. Эта своеобразная форма игры, в которую вовлечены разные литературные традиции, исторические события и частная жизнь поэта.

Список использованной литературы

- 1. Орлицкий Ю. Б.** Стих и проза в русской литературе / Ю. Б. Орлицкий. – М. : РГГУ, 2002. – 685 с.
- 2. Вяткина И. А.** Диглоссия русских маргинальных жанров (домашняя поэзия и эпистолярии В. А. Жуковского) : дисс...канд. филол. н. : спец. 10.01.01 „Русская литература” / И. Я. Вяткина. – М., 2007. – 218 с.
- 3. Гиндин С. И.** Биография в структуре писем и эпистолярного поведения / С. И. Гиндин // Язык и личность. – М. : Наука, 1989. – С. 63 – 77.
- 4. Степанов Н.** Дружеское письмо начала XIX в. / Н. Степанов // Русская проза : [сб. ст.] / под ред. Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова. Вып. VIII. – Л. : „ACADEMIA”, 1926. – С. 74 – 101.
- 5. Юнггрен А.** Поэзия Тютчева на фоне салонной речи [Электронный ресурс] / А. Юнггрен // Тютчевский сборник II. – Тарту, 1999. – Режим доступа : <http://www.ruthenia.ru/document/167208.html>.
- 6. Переписка Н. А. Некрасова** в 2-х т. – М. : Художественная литература, 1987. – Т. 1. – 543 с.
- 7. Красов В. И.** Сочинения / В. И. Красов ; сост., подгот. текста, вступ. статья и примеч. В. В. Гуры. – Архангельск : Сев-зап. кн. изд-во, 1982. – 188 с.
- 8. Фет А. А.** Сочинения в 2-х т. / А. А. Фет. – М. : Художественная литература, 1982. – Т. 2. – 461 с.
- 9. Гаспаров М. Л.** Эпистолярное творчество В. Я. Брюсова / М. Л. Гаспаров // Валерий Брюсов и его корреспонденты : В 2 кн. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького / [Н. А. Трифионов]. – М. : Наука, 1991 – 1994. – Т. 1. – С. 12 – 30.
- 10. Валерий Брюсов** и его корреспонденты : В 2 кн. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького / [Н. А. Трифионов]. – М. : Наука, 1991 – 1994. – Т. 1. – 369 с. (Лит. Наследство. Т. 98)
- 11. Виттакер Р., Егоров Б.** Жизнь Григорьева в письмах / Р. Виттакер, Б. Егоров // Григорьев Ап. Письма. – М. : Наука, 1999. – С. 293 – 320.
- 11. Григорьев Ап.** Письма / Ап. Григорьев / [Р. Виттакер, Б. Егоров]. –

М. : Наука, 1999. – 473 с. **12. Бунин И. А.** Письма 1885 – 1904 / И. А. Бунин / [О. Н. Михайлова]. – М. : ИМЛИ РАН, 2003. – 710 с. **13. Неизвестная** шутливая поэма Ивана Бунина в письме Варваре Пащенко / А. К. Гоморева // Наше наследие. – 2012. – № 101. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nasledie-rus.ru>.

Юферева О. В. Прозиметрія в листах російських поетів другої половини XIX ст.

У статті розкрито значення віршової вставки в листах поетів. Розглянуто характер взаємодії та його видозміна між віршовим елементом та прозою епістолярного цілого. Провідним інструментом дослідження постає поняття „прозиметрія”, поглиблене вивчення якого здійснив Ю. Орлицький. Основну увагу приділено функціональному навантаженню прозиметрії як форми взаємодії вірша і прози в нехудожньому тексті листування російських поетів другої половини XIX ст. в контексті тенденцій розвитку епістолярної традиції та ідіостилю конкретної особистості. Вірш у листі характеризується дотепністю, імпровізаційністю, автотареклексійністю, інтертекстуальністю. Поява прозиметрумів сигналізує про встановлення особливої форми комунікації між кореспондентами, що зумовило функціональні зміни його використання. Вірші у листах – це своєрідна лабораторія поета, а також різновид творчого діалогу.

Ключові слова: прозиметрія, вірш, епістолярій, автотареклексія.

Юферева Е. В. Прозиметрия в письмах русских поэтов второй половины XIX в.

В статье раскрыто значение стихотворной вставки в письмах поэтов. Рассматривается характер взаимодействия и его видоизменение между стиховым элементом и прозой эпистолярного целого. Основным инструментом исследования является понятие „прозиметрии”, углубленное изучение которого осуществил Ю. Орлицкий. Пристальное внимание уделяется функциональной нагрузке прозиметрии как формы взаимодействия стиха и прозы в нехудожественных текстах переписки русских поэтов второй половины XIX в. в контексте тенденций развития эпистолярной традиции и идиостиля конкретной личности. Стихотворение в письме характеризуется шутливостью, импровизационностью, автотареклексивностью, интертекстуальностью. Появление прозиметрума сигнализирует об установлении особой формы коммуникации между корреспондентами, что обуславливает функциональные изменения его использования. Это своеобразная лаборатория поэта, а также разновидность творческого диалога.

Ключевые слова: прозиметрия, стих, эпистолярій, автотареклексія.

Yufereva O. V. Prosimetry in Letters of Russian Poets in the Second Half of the 19th Century

The article reveals the sense of poetic insertion in the poets' letters. It considers the character of interaction and its modification between a poetic element and the prose of epistolary ensemble. Our framework suggests the notion of artifiziation of letter prose. The concept of „prosimetry”, studied by J. Orlizkiy, is involved as the key analytical instrument of the research. The purpose of this paper is to examine prosimetry's functionality in the nonfiction text of Russian poets' correspondence in the context of epistolary tradition and individual art style. We characterize such features of prosimetrum as humor, improvisation, autometareflection, intertextuality. Our study is conducted on the letters of A. Grigoriev, V. Brusov, I. Bunin, A. Fet, V. Krasov, N. Nekrasov. It has been shown that peculiarities of literary life as well as poets' relationship influence on the patterns of interaction between prose and verse. The author closely analyzes the composition role of verse episode in the letter plot. It signals about a particular communication form, which is caused to the functional transformation of prose and verse interaction. The verse text has the intermediate status between draft and fair text. It appears like poet's creative laboratory and principle of dialogue. The verse overcome the role of poetic insertion with its function of illustration, decoration, and initiated a function of artistic finalization at the second half of the XIXth century.

Key words: prosimetry, verse, epistolary, autometareflection.

Стаття надійшла до редакції 17.06.2013 р.

Прийнято до друку 27.09.2013 р.

Рецензент – канд. філол. н., доц. Філоненко Н. М.